ВКЛАД Г. Э. ЛЕССИНГА В ИСТОРИЮ РАЗВИТИЯ ЖАНРА БАСНИ

Берестень Е. Е.

Днепропетровсккий университет экономики и права им. Альфреда Нобеля

В статье предпринята попытка проанализировать работы отечественных и зарубежных учёных, предметом исследования которых стали басенная теория и басни Γ . Э. Лессинга, и определить его вклад в историю развития басенного жанра.

Ключевые слова: басня, теория басни, мораль, жанр, особенности, принципы.

У статті зроблена спроба проаналізувати праці вітчизняних і зарубіжних учених, предметом дослідження яких стали теорія байки та байки Γ . Е. Лессінга, та виявити його внесок в історію розвитку жанру байки.

Ключові слова: байка, теорія байки, мораль, жанр, особливості, принципи.

This article attempts to analyze the works of native and foreign scholars, which subject of investigation are fables and fable theory of G. E. Lessing, and to define his contribution to history of envelopment of fable genre.

Keywords: fable, fable theory, moral, genre, peculiarities, principles.

Драматическое творчество Готхольда Эфраима Лессинга и его вклад в развитие драматургии известно во всём мире. Однако Лессинг-баснописец знаком только узкому кругу специалистов. **Актуальность** нашего исследования обусловлена тем, что басни Лессинга были предметом изучения немногих учёных. Среди отечественных специалистов отметим Г. Фридлендера [6], Г. В. Стадникова [4], В. Р. Гриба [1], В. П. Нестроева [3] и С. В. Тураева [5]. Все эти работы, разные по жанру и времени появления, внесли несомненный вклад в отечественное лессинговедение. Немецкие литературоведы также не обошли своим вниманием басенное наследие Г. Э. Лессинга. Среди них — Д. Рейнгард [9], В. Либхен [7], Г. Г. Маркшис [8].

Цель нашей статьи – проанализировать основные положения научных исследований отечественных и зарубежных лессинговедов и определить его вклад в историю развития басенного жанра.

Монография Г. Фридлендера "Лессинг. Очерк творчества" дает достаточно полное представление о жизни и творчестве Г. Э. Лессинга. Прежде чем приступить к анализу некоторых басен Лессинга, ученый передает основные положения его басенной теории, а также дает определение басни в понимании Лессинга. Г. Фридлендер подчеркивает, что басня, по Лессингу, не принадлежит к области поэзии. Она является промежуточным звеном между поэзией и моралью, лежит на границе обеих этих областей, подчиняясь законам каждой из них. Моральная поучительность, утверждает Лессинг, составляет закон басни, без морали басня теряет смысл, превращается в обычный рассказ: в отличие от других поэтических жанров, басня всегда должна быть основана на каком-либо общем моральном положении. Но свое поучение баснописец выражает не отвлеченно, а выбирает частный случай, который передавал бы это положение в форме, доступной непосредственному живому содержанию. Для этого поэт излагает событие так, как будто бы оно имело место в действительности, придавая басне форму рассказа.

Г. Фридлендер объясняет, что теория басни Лессинга основана на учении философарационалиста Л. Вольфа о созерцательном виде познания. Там, где всеобщее существует в особенном и может быть непосредственно познано в этом особенном, мы имеем дело с созерцательным познанием. Для созерцательного познания всеобщее и особенное выступают

не раздельно, а в непосредственном живом единстве. Но всеобщее гораздо сильнее действует на волю человека, когда он познает его не отвлеченно, а в единстве с особенным, в живом образе. Поэтому мораль басни в форме рассказа об определенном частном случае воспринимается непосредственно через этот рассказ и служит "практической нравственностью", так как задача морали — воздействие не только на разум, но и на волю человека.

Известно, что Лессинг полемизировал с теоретиками классицизма Франции и Германии, которые по-своему определяли басню. Он подверг пересмотру также традицию, заложенную в разработке жанра басни крупнейшим французским баснописцем XVIII в. Лафонтеном, рассматривавшим басню как изящный стихотворный рассказ, в котором поучение скрыто под изображением условного, аллегорического действия. Лессинг же утверждает, что главным "украшением" басни является не изящество, а простота и краткость: ничто не должно отвлекать в ней от основной нравственной идеи. В отличие от аллегории в басне мораль не должна быть выражена в виде намека, в условном, искусственном образе; она должна вытекать с полной отчетливостью и логичной неизбежностью из рассказанного события. Отказываясь от стихотворной формы басен Лафонтена и от его шутливой манеры рассказа, Лессинг по-своему передает древнегреческие басни Эзопа. В то время как раньше басни Лессинга были написаны в стихах, поздние басни, иллюстрирующие его теорию, Лессинг пишет в прозе: добиваясь не изящества и остроумия, а предельно лаконичной формы.

Г. Фридлендер считает, что "Рассуждения о басне" отчетливо раскрывают особенности подхода Лессинга к вопросам теории поэтических родов и жанров. Если теоретики классицизма оперировали готовыми определениями родов и жанров, то Лессинг впервые со времен Аристотеля делает эти определения предметом критического исследования.

Слабыми моментами учения о басне исследователь называет – в соответствии с собственной идеологизированной методологией – игнорирование Лессингом значения народнопоэтических источников басни и отражения в лучших образцах басенного творчества демократической мудрости народных масс, а также исторического изменения жанра басни на протяжении веков: "Лессинг не сумел понять "народности" самой формы басни, тесно связанной с особенностями устной речи и приемами народных рассказов" [5, с. 78]. Ученый подчеркивал, что, критикуя аллегоричность и условное изящество басен эпохи классицизма, Лессинг не смог почувствовать той струи живого народного юмора, который ощущается в баснях Лафонтена. При этом, памятуя о верности данного тезиса в целом, не будем также забывать, что оценивать басню Лессинга следует в ее реальной эстетической данности, исходя из наличия, а не отсутствия в ней желаемых для теоретика черт. В этом случае важными оказываются как раз ученость, эрудическая культура Лессинга-рационалиста, реформировавшего "низовой" народный жанр, возводившего его в ранг "высокой" поэзии.

Отечественный исследователь считает, что значимость басен Лессинга заключается в "острой критике немецкого общества XVIII в., которая звучит в них, несмотря на отвлеченно-моралистическую, дидактическую тенденцию" [6, с. 10]. В некоторых баснях заключены элементы сатиры на политическую жизнь Германии. Так, в басне "Подарок фей" Лессинг высмеивает Фридриха III за установленную им систему мелочных регламентаций военно-политической опеки подданных.

Исследователю кажется важным, что Лессинг защищает в баснях достоинство простого человека ("Шахматный конь"). Он одобряет расправу над теми, кого "хищническая жадность" заставляет собирать больше запасов, чем нужно для жизни, в то время как другие страдают от недостатков ("Хомяк и Муравей"). Баснописец призывает не слишком верить рассказам сильных мира сего об их непобедимости ("Воинственный волк"). Заметим, что в этом случае на первый план выдвигается этика басни, а не ее эстетика.

Г. Фриндлендер отмечает также, что во многих баснях Лессинг оружием насмешки борется со своими литературными противниками. Он высмеивает подражательство немецких писателей старшего поколения, изображая их в виде обезьян, которые умеют подражать повадкам каждого зверя, но именно поэтому-то и неспособны вызвать у кого-либо другого желание подражать им самим ("Обезьяна и Лисица"). Наряду с представителями классицизма и консервативнобюрократической литературы Лессинг бичует реакционных цеховых ученых и трусливых филистеров, больше всего на свете боящихся тех, кто колеблет традиционные авторитеты ("Бык и Теленок").

Оценку поэтического дарования Лессинга с точки зрения основоположника русского романтизма В. А. Жуковского анализирует в своей работе о Лессинге Т. В. Стадников. Жуковский коснулся вопроса о природе творческого дарования Лессинга в статье "О басне и баснях Крылова" (1809). Обобщая свои наблюдения в этой области, поэт дает классификацию басен, в основе которой лежит тематический признак, где определяющим критерием становится "поэтичность". Г. В. Стадников замечает, что Жуковский рассматривает в истории басни три главных эпохи: первую, когда басня "была простым риторическим способом, примером, сравнением", вторую - когда басня "сделалась одним из действительных способов предложения моральной истины для оратора или философа нравственного", и, наконец, третью, "когда она из области красноречия перешла в область поэзии" [2, с. 84]. По мнению Жуковского, басня стала поэтичной, жизненно конкретной и живописно выразительной только под пером Лафонтена, поскольку освободилась к тому времени от сухой абстрактности и морализации. Жуковский относит басни Лессинга к лучшим образцам второй эпохи. П. В. Стадников утверждает, что русский поэт не относит этот тип басен к "изящной поэзии": "Картина и образы в ней не порождены непосредственным поэтическим воображением, а рационалистически сконструированы как иллюстрации к моральным сентенциям. По мнению Жуковского, басни Лессинга сочинил теоретик, а не поэт" [2, с. 9697]. Для нас это наблюдение важно, так как позволяет отнести творчество Лессинга-баснописца к теоретизирующей поэзии. Это существенно также с точки зрения реакции басни Лессинга в русской культуре.

В отличие от других исследователей талантливый советский ученый и критик В. Г. Гриб отмечал, что "Басни" ("Fabeln" 1759) являются "результатом духовной зрелости и возвышения Лессинга над узким миром мещанской драмы, выражением того направления, которое он хотел придать немецкой литературе" [1, с. 15].

Выбор самого жанра — трезво реалистического, склонного к широкому изображению общественной морализации. "Сатирический смысл многих басен еще общ и расплывчат. Лессинг часто осмеивает традиционные пороки — глупость, тщеславие, самодовольство — не в их специфическом феодально-немецком выражении, а в абстрактном обобщении от всяких исторических условий. Такой чисто аналитический художественный метод, не столько объясняющий порок, сколько классифицирует его черты, требует, художественной силы мольеровского масштаба, которым Лессинг не обладал" [8, с. 4849]. Ученый называет также басни, где осмеиваются недостатки человеческой природы, — "Соловей и Павлин", "Гусь", "Мальчик и Змея", "Медведь" и "Слон" мало оригинальными, холодными, повторяющими общие изречения ходячей мудрости.

Одновременно В. Р. Гриб отмечает, что многие из басен все же "не безобидны". Под оболочкой невинной школьной притчи таится острая насмешка над пороками немецкой жизни, переходящая часто в политические выпады. В "Баснях" можно встретить готтедианцев — французоманов — в общем виде обезьян, сочинителей тяжеловесных "Герминид" в виде старцев, неспособных летать. "Страусы" — это также высокопарные подражатели Хлопштока, которые в первых стихах своих чудовищных од угрожают подняться выше облаков и звезд и все-таки остаются

летать во прахе. Лессинг не останавливается на "чисто литературной" сатире, его стрелы метят все выше – в дворянскую спесь, в невежество высшего света, в придворных льстецов и фаворитов. Особенно язвительны и смелы басни, направленные против самодержавия.

По оценке В. Г. Гриба, в художественном отношении басни этого рода оставляют позади все прежние сочинения Лессинга. "В них нет прелестной наивности Эзопа, такой насмешливости и живописности басен Лафонтена. Они написаны прозой и пренебрегают обычными для басни нового времени подробностями описаний и характеристик" [8, с. 50]. Как считает исследователь, достоинство басен — в эпиграмматичной сжатости стиля, в энергической внезапности лаконичных отточенных концов, при помощи которых авторское негодование прерывает эпически спокойный рассказ. Такова внезапная концовка безобидной на первый взгляд басни о лисе, выманивающей у вороны сыр, который оказался отравленным, концовка, действующая как неожиданный смертельный удар меча.

Исследователь В. П. Неустроев сосредотачивается на характеристике системы персонажей басни как жанра. Он утверждает, что в истории басенного жанра опыт Лессинга имел немалое значение. Анализируя басни, вошедшие в сборник "Fabeln" 1759, ученый отмечает, что в большинстве их используется живописный эпос ("Хомяк и Муравей", "Лев и Заяц", "Орел и Охотничья Лошадь", "Соловей и Павлин"). Автор смело сталкивает различные принципы морали, противоположные линии поведения. Одни персонажи не любят сами трудится, живут за чужой счет, другие, наоборот, трудолюбивы. Одни из них добры, самоотверженны, смелы, сильны, другие – трусливы, завистливы, лицемерны и жестоки. В. П. Неустроев приводит пример басни "Соловей и Павлин", где Соловей – воплощение подлинного служения искусству, а Павлин лишь использует, свои красивые перья и не может стать настоящим мастером.

Подобно Г. Фридлендеру и В. Р. Грибу, В. П. Неустроев подчеркивает: "Басенные аллегории Лессинга не только обращали внимание на традиционные пороки – глупость, тщеславие, самодурство, жадность, невежество, но и довольно явно порицали социальные явления феодальной монархии, бюрократизм, филистерство" [3, с. 311]. Опираясь на трактат о басне, исследователь подчеркивает, что Лессинг дал теоретическое обоснование принципов реализма на основании исторического изучения этого жанра. В. П. Неустроев называет основные особенности басни, например, прямолинейность, использование средств сатиры, рациональная дидактика.

С целью выявления тенденций развития этой отрасли, лессинговедения, общих черт и различий в оценке вклада Лессинга в развитие басенного жанра отечественных и немецких исследователей мы обратились к статье Дитмара Рейнгарда, который дает общую характеристику басен Лессинга. Ученый утверждает, что все басни, исключая ранние произведения, невелики по объему, скупы на поэтические средства, лишены витиеватости. В сравнении с баснями Лафонтена и его немецкими подражателями басни Лессинга выглядят "трезво и сухо" ("пьсhtern und trocken"). Они лишены развлекательности, которая была присуща басням Гримма и его современникам. От юмористических басен Лессинг перешел к серьезным, где автор-моралист подчас выступает в слишком резком обличительном тоне (например "Лиса и Ворон"). Исследователь отмечает, что басни Лессинга характеризуются меткостью стиля, концовкой содержащей "соль" басни, отшлифованностью языка.

Анализируя определение басни, которое Лессинг сформулировал в трактате, Д. Рейнгард выделял в теории басни Лессинга пять отправных точек, от которых должен отталкиваться баснописец при создании своих произведений: общее моральное положение, частный случай, действительность, историчность, содержательное познание. Каждое из этих положений ученый поясняет. Так, Лессинг был уверен в том, что каждая басня создается с намерением убедить читателя в историчности какого-либо морального принципа, который относится к частному случаю, передаваемому в форме действия. Само сюжетное действие Лессинг понимает как цепь событий. Частный случай должен быть представлен как действительность,

а не возможность. Отвлеченная история еще не является басней. Но история, рассказанная с определенной целью, уже является басней. Для Лессинга созерцательное познание обладает наибольшей силой, если оно выражено в единстве особенного и действительного.

По мнению Д. Рейнгарда, теория Лессинга, несмотря на многие точные замечания, неверна ("nicht gerecht wird"). Предложенный Лессингом принцип "снижения", как способ создания басни, приводит к рационалистическому сужению жанра. Ученый считает, что сами басни Лессинга разрывают "оковы" его теории, что свидетельствует о неподчинении Лессинга никаким правилам: "Lessings Prinzip der Reduktion als Mittel zum Erfinden von Fabeln bedeutet eine rationalistische Verengung. Lessings eigene Fabeln sprengen die Fesseln dieser Theorie und zeigen, daЯ sich der Dichter Lessing nicht unter das Joch einer Regel beugt" [9, с. 104]. Эта любопытная точка зрения свидетельствует, что немецкие ученые склонны проводить резкую границу между теорией и практикой Лессинга-баснописца, если даже и не противопоставлять их. Это значительно отличает зарубежную германистику, обращенную к данному вопросу, от отечественной.

Вильтфрид Либхен также изучает басенную теорию Лессинга и выделяет три принципа басни: принцип средства (Prinzip des Mittels), принцип задачи (Prinzip des Zwecks), принцип цели (Prinzip des Ziels): "Die Fabel hat das Prinzip des Mittels (die Akteure sind niedere Geschupfe wie Tiere, Pflanzen, Gegenstende), das Prinzip des Zwecks (Verstehen eines Falls durch vereinfachende Veranschaulichung), und das Prinzip des Ziels (durch Erkenntnis dem Rezipienten zu neuen Handeln führen wollen)" [7, c. 128].

Принцип средства имеет три эффекта: 1) отчуждение – использование животного эпоса в басне. Преимущество этого эффекта Либхен видит в том, что объем экспозиции существенно сокращается за счет ненадобности описания характеров животных, которые известны читателю. Во втором эффекте ученый видит два процесса: 1) отчужденность персонажей-животных создает ту дистанцию, которая позволяет разуму, свободному от сопереживаний, трезво воспринимать главную мысль басни; 2) персонажи-животные вызывают у читателя чувство превосходства, которое позволяет ему относиться к героям снисходительно. Третий эффект состоит в том, что читатель равнодушен к повседневному. Если баснописец хочет принять во внимание повседневный процесс, он должен рассматривать его в сфере необычного.

Принцип задачи заключается в том, чтобы сделать сообщение доступным пониманию. Предпосылкой к использованию этого принципа является конкретное мышление, которое зависит от достоверности басни. Критерием достоверности является прежде всего, действительность, автор вскрывает ее противоречия, разбивает превосходство и осуждает глупость, все это с единой целью – побудить читателя через познание к новому образу жизни.

Г. Л. Маркшис, обращаясь к анализу басен Лессинга, относит его ранние произведения 1753 г. к комическим басням, а сборник "Fabeln" (1759) рассматривает, как попытку возродить басни Эзопа: "Lessing hatte mit seinen frahen Fabeln und Erzahlungen in Versen (1753) die Grenzen der komischen Fabeln erfahren. Von daher fallt auch das rechte Licht auf seinen Versuch, die дворізсhen Fabeln wieder zu erneuern" [8, с. 437]. Для анализа ученый выбирает три басни: "Внешний вид" ("Erscheinung"), "Бронзовая статуя" ("Die eherne Bildsдule"), "Обладатель лука" ("Besitzer des Bogens"), в которой заключается основная идея Лессинга о развитии басенного жанра. Просветитель пародирует наивный тон басни и оправдывает сознательный умысел (Kunstabsicht) новейших произведений их стремлением к этике и созиданию: "Die Erscheinung parodiert den naiven Fabelton und rechtfestigt die bewuste Kunstabsicht der neueren Fabeln zu ihrem Endzweck der Sittenlehre und Erbauung" [8, с. 439].

Лессинг говорит также о связи традиции и изобретения (Erfindung) при создании нового произведения. Новая картина должна вырисовываться на материале басен Эзопа: "Aus der Materie der zersturten Aesopica soll sich ein neues Bild erheben". По мнению теоретика, басня, подобно луку перенасыщенному украшениями, перестала со времен Лафонтена достигать своей цели.

Исследователь подчеркивает, что сборник "Fabeln" свидетельствует об отходе Лессинга от комических басен, которые не отличались сжатостью и лаконичностью. Несмотря на эту переориентацию во взглядах, поздние басни Лессинга не дали нового толчка для развития этого жанра: "Und dennoch bedeutet seine Faabeldichtung keine Neubeginn, sondern ein Ende-das Ende der Gattung" [8, c. 439].

Опираясь на работы отечественных литературоведов, можно сделать вывод, что творчество Г.Э. Лессинга исследовалось во многих аспектах. Наибольшее внимание уделялось драматическим произведениям и трудам в области литературной критики. Однако не все ученые обращались к анализу басен Лессинга. Только в обширных монографиях таких исследователей, как Г. Фридлендер, П. В. Стадников, басни, а также теория басни подвергались анализу. Основное внимание уделяли системе образов персонажей, этике басни, характеристике конфликта, но значительно меньше — композиционно-стилевым признакам, конкретной поэтике художественного текста. Почти все ученые сходятся во мнении, что басни Лессинга нельзя поставить в один ряд с баснями Лафонтена и Крылова. Мы попытались объяснить это положение исходя из рационалистической спецификации басни немецкого автора. Изучив трактат о басне, отечественные ученые приходят к выводу, что Лессинг внес большой вклад в развитие басенного жанра. Однако композиционно-стилевые особенности басен Лессинга еще не были предметом специального исследования.

Немецкие литературоведы большое внимание уделяли изучению теории басни Лессинга и анализу басен, которые иллюстрировали эту теорию но развитие басенного жанра не расценивается как положительное и продуктивное. Ученые исследуют композиционностилевые особенности прозаических басен Лессинга, стихотворные басни анализу на этом уровне не подверглись. Зарубежные лессинговеды противопоставляют теорию и практику и говорят о несоблюдении Лессингом установленных им самим правил (Д. Рейнгард), что свидетельствует о весьма проблематичном применении их на практике. К перспективам исследования данной проблематики можно отнести лингво-стилистический анализ прозаических и поэтических басен Лессинга.

Литература

- 1. Гриб В. Р. Лессинг // Гриб В. Р. Избранные работы. Статьи и лекции по зарубежной литературе. Москва, 1956. С. 15150.
- 2. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова / В. А. Жуковский. Москва, 1808. С. 7476.
- 3. Неустроев В. П. Готхольд Эфраим Лессинг // История зарубежной литературы XVIII в. Москва, 1987. С. 306322.
- 4. Стадников В. Г. Лессинг. Литературная критика и художественное творчество / В. Г. Стадников. Ленинград, 1987.-100 с.
- 5. Тураев С. В. Христиан Фюрхтеготт Геллерт // История всемирной литературы в 9ти т.: т.5. Москва, 1988. С. 202.
- 6. Фридлендер Г. Лессинг. Очерк творчества / Г. Фридлендер. Москва, 1957. 239 с.
- 7. Liebchen W. Die drei Prinzipien der Fabeln // Wilfried Liebchen. Die Fadel. Das Vergnъgen der Erkenntnis. Rhon-Grabfeld/Kiliansho,1990. S.119-128.
- 8. Markschies H. L. Fabel // Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte. Berlin, 1958. S. 433-439.
- 9. Reinhard D. Lessing // Ditmar Reingard. Die Fabel. Padeborn, 1988. S. 102-104.